

Фрэнк Герберт

Фрэнк Герберт

ДЕТИ

ДЮНЫ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Г37

Серия «Хроники Дюны»

Frank Herbert

CHILDREN OF DUNE

Перевод с английского *А. Анваера*

Серийное оформление *А. Кудрявцева*

Художник *В. Лебедева*

Печатается с разрешения Herbert Properties LLC
и литературных агентств Trident Media Group,
LLC и Andrew Nurnberg.

Г37 **Герберт, Фрэнк.**
Дети Дюны : [роман] / Фрэнк Герберт ; [пер. с англ.
А. Анваера]. — Москва : Издательство АСТ, 2016.—
544 с. — (Хроники Дюны).

ISBN 978-5-17-100325-8

На политическом ландшафте Арракиса появляются новые игроки — наделенные сверхспособностями и даром предвидения дети Пола Атрейдеса, близнецы Лето и Ганима. Дети, лишённые детства. Дети, которым придется проявить мудрость и стойкость, чтобы выжить самим и спасти человечество...

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Frank Herbert, 1976
© Перевод. А. Анваер, 2015
ISBN 978-5-17-100325-8 © Издание на русском языке AST Publishers, 2016

Учение Муад'Дибба стало ристалищем схоластики, суеверий и разврата. Он же учил умеренной жизни, философии, с которой человек мог противостоять тяготам вечно изменчивой вселенной. Человечество, учил Муад'Диб, развивается, и процесс этот не кончится никогда, поскольку жидется он на изменчивых принципах, известных одной лишь вечности. Но как, скажите вы мне, может развращенный ум пользоваться такой сущностью?

(Слова ментата Дункана Айдахо)

На толстом красном ковре, покрывающем влажный пол пещеры, вдруг заплясало пятно света. Он падал как бы ниоткуда, казалось, этот зайчик существует сам по себе на колючем ворсе ковра. Беспорядочно перемещаясь, становясь то круглым, то овальным, пятно, стремительно изогнувшись, переползло на зеленое одеяло, свисавшее с лежанки.

Под зеленым одеялом спал младенец, он был совсем по-детски круглолиц, рот был очень большим — в мальчике не было присущей фрименам скупости черт, как, впрочем, не было и водянистой полноты, столь характерной для выходцев из *того* мира. Пятно света скользнуло по глазам ребенка, и маленькая фигурка шевельнулась. Свет исчез.

Теперь в пещере раздавалось только тихое дыхание и едва слышное падение капель с козырька на поставленную у входа бочку.

В темноте снова блеснул свет, теперь он был явно сильнее на несколько люменов, со светом появился и его источник — проем входа в пещеру, на фоне которого замаячила фигура в капюшоне. Луч света, словно приносящаяся, снова начал стремительно рыскать по углам и сводам. В этой пляске таилась какая-то угроза, тревожное недовольство. Обогнув спящее дитя, свет пробежал по забранной решеткой воздушной отдушине, потом по складкам золотисто-зеленых занавесей, скрадывавших грубые каменные стены.

Свет мигнул и погас. Раздался предательский шелест плаща, и фигура мужчины в капюшоне застыла под сводчатым потолком входа. Каждый, кто был знаком с обычаями сьетча Табр, тотчас догадался бы, что это Стилгар, наиб сьетча, опекун и страж высокородных близнецов-сирот, которым предстояло унаследовать мантию своего отца — Пауля Муад'Диб. Стилгар был частым ночным гостем в пещере брата и сестры, заходя сначала в покои Ганимы, а потом в примыкавшую к ним спальню Лето.

Я старый дурак, подумал Стилгар.

Он провел пальцами по холодной гладкой поверхности светового проектора, прежде чем спрятать его в сумку, подвешенную к поясу. Этот проектор невыносимо раздражал Стилгара, постоянно напоминая о своей магической власти над ним. Проектор был тончайшим инструментом, главным прибором империи, умевшим обнаруживать присутствие людей и животных. Сейчас в королевских покоях не было никого, кроме мирно спящих детей.

Уж кто-кто, а Стилгар знал, что его собственные мысли и чувства были куда сильнее проектора. В опекуне горел неугасимый внутренний свет. Этот свет направлял все движения души Стилгара; вот и сейчас этот дьявольский внутренний луч высвечивал все зло этой сильной природы. Прямо перед ним лежит мальчик, воплощающий магнетическую мечту о вселенском величии. Вот они — преходящие богатства, светская власть и сильнейший мистический талисман: божественная копия религиозного наследия Муад'Диб. В этих двойняшках — Ганиме и Лето — сконцентрировалась мощь, внушавшая благоговение. Пока жили эти дети, в них жил физически умерший Муад'Диб.

То были не просто девятилетние дети; то была первородная сила, предмет поклонения и страха. То были дети Пауля Атрейдеса, ставшего Муад'Дибом, Махди Всех Фрименов. Муад'Диб взорвал ход истории; фримены на-

чали межпланетный джихад, неся с собой неистовый пыл веры и утверждая во всех обществах свои власть и господство. Око новой власти было вездесущим, след, оставленный ею, стал поистине неизгладимым.

Но ведь дети Муад'Диб состоят из плоти и крови, подумал Стилгар. Двумя ударами кинжала я могу остановить биение их сердец, и вода их вернется к их племени.

При этой мысли его своенравный ум пришел в смятение.

Убить детей Муад'Диб!

Годы, однако, приучили Стилгара к интроспекции. Он знал, откуда идут эти страшные мысли — от левой руки проклятья, а не от правой руки благодати. *Аят и бурхан Жизни* — вот две величайшие тайны для Стилгара. Когда-то он исполнялся величайшей гордости, думая о том, что он — фримен, что Пустыня — его друг, что его планета — Дюна, а не Арракис, как ее именуют все имперские звездные карты.

Как все было просто, когда Мессия был лишь мечтой, думал между тем Стилгар. Обретя Махди, мы растворили в мирах вселенной наши мессианские надежды. Все народы, познавшие ярмо джихада, мечтают теперь о своих вождях.

Стилгар взгляделся в темноту спальни.

Если мой кинжал освободит те народы, примут ли они меня как мессию?

Было слышно, как Лето беспокойно зашевелился в постели.

Стилгар тяжело вздохнул. Он не был знаком с дедом Атрейдесом, чьим именем нарекли этого ребенка, но многие говорили, что именно старому Атрейдесу был обязан Муад'Диб своей нравственной силой. Но не может ли случиться так, что это врожденное качество *правоты* покинет последнее поколение? Стилгар был не в состоянии ответить на этот вопрос.

Он думал: *сиетч Табр принадлежит мне. Я правлю здесь, я, наиб фрименов. Без меня не было бы никакого Муад'Диб. И эти двойняшки... их мать, Чани — моя кровная*

родственница, а значит, в жилах детей течет и моя кровь. Я причастен ко всему этому — я, Муад’Диб, Чани и все прочие... Но что сделали мы со своим миром?

Стилгар так и не смог понять, почему его охватили эти мысли и по какой причине вызвали они такое сильное чувство вины. Он зябко поежился под просторным плащом. Действительность совсем не походила на мечту. От былой дружественной Пустыни, простиравшейся некогда от полюса до полюса, осталась едва ли половина. Казавшийся мифом, но ставший действительностью зеленый рай вызвал у Стилгара мгновенную вспышку недовольства. Да, это не мечта и не сладкий сон. Планета изменилась, и он изменился вместе с ней. Он стал тоньше, чем прежний вождь сиегча. Теперь Стилгар познал многое: силу государственной власти и тяжелую ответственность принятия самых, казалось бы, незначительных решений. Но все же, но все же... Стилгар чувствовал, что эта душевная и психологическая тонкость есть не что иное, как хрупкий внешний покров, под которым скрывалась железная сердцевина прошлого простого и определенного опыта. И эта сердцевина взывала к его существу, требовала переоценки ценностей.

Течение мыслей Стилгара было нарушено утренними звуками пробуждавшегося сиегча. В пещерах послышалось движение. Щек Стилгара коснулось дуновение утреннего ветерка — люди начали выходить из-под сводов в предрассветную мглу. Ветерок шептал о беспечности и о непрестанном беге вечного времени. Обитатели пещер напрочь забыли о жесткой экономии воды. Да и зачем беречь воду, если во Фримене часто идет дождь, на небе постоянно видны облака, а в старых вади то и дело гибнут люди, застигнутые потоками воды? Раньше в языке Дюны не было слова *утонуть*. Но теперь нет и самой Дюны, есть Арракис... и наступило утро нового, полного хлопот и дел дня.

Стилгар подумал: *Сегодня на нашу планету возвращается Джессика, мать Муад’Диб и бабка царственных*

близнецов. Но почему она решила закончить свое добровольное изгнание именно сейчас, сменив негу и надежность Ка-ладана на опасности Арракиса?

Были и другие опасения: почувствует ли она сомнения Стилгара? Эта женщина — ясновидящая Бене Гессерит, воспитанница Общины Сестер, посвященная в самые глубокие таинства, полноправная Преподобная Мать. Такие женщины обладают невероятным чутьем, а потому опасны. Не прикажет ли она ему броситься на собственный нож, как приказала когда-то Умме, защитнику Лиет-Кинеса?

Подчинюсь ли я этому приказу? — подумал Стилгар.

На этот вопрос не было ответа, но Стилгар думал уже о Лиет-Кинесе, планетологе, которому первому пришла в голову мысль превратить Пустынную Дюну в цветущий оазис, в какой она в конце концов и превратилась. Лиет-Кинес был отцом Чани. Не будь его, не было бы ни мечты, ни Чани, ни близнецов. Эта хрупкая цепочка снова вызвала недовольство.

Каким образом мы встретились здесь? — спросил себя Стилгар. Каким образом соединились? Для какой цели? Не мой ли долг положить этому конец и разрушить эту великую комбинацию?

Стилгар ощутил великое и страшное искушение. Он в состоянии сделать этот выбор, отречься от любви и семьи ради того, что должен совершить наиб: принять смертельно опасное решение ради сохранения племени. Но какое же это будет предательство и мерзость! *Убить детей!* Однако это были не простые дети. Конечно, они ели земную простую пищу, участвовали в празднествах, бродили по Пустыне и играли в те же игры, что и все дети фрименов, но... но они же заседали в Имперском Совете. Дети в столь нежном возрасте были настолько мудры, что заседали в Совете. Да, это дети во плоти, но было в них что-то древнее, устрашающие простого смертного генетическая память и знания, внушенные их теткой Алией и унаследованные самостоятельно, — и это неви-

димой, но прочной стеной отделяло близнецов от прочих смертных.

Долгими бессонными ночами Стилгар пытался постичь природу этой избранности близнецов и их тетки; много раз пробуждался он среди ночи, мучимый этими мыслями, приходил в покои царственных детей и застывал на пороге решения. Но сегодня Стилгар осознал причину своих сомнений. Неспособность принять решение — это тоже решение. Эти близнецы и их тетка были разбужены от векового сна еще в утробе матери, когда на них снизошли знание и память предков, и причиной всему было пристрастие к зелью, пристрастие матерей — госпожи Джессики и Чани. Госпожа Джессика родила сына, Муад'Диб, до того, как вкусила зелья. Алия же явилась после этого. Теперь-то, по зрелом размышлении, это стало совершенно ясно. Бесчисленные поколения генетического отбора, направленного Бене Гессерит, сошлись на Муад'Диб, но Общине Сестер даже в страшном сне не могло привидеться кровосмешение. О, Сестры знали об этой возможности и боялись ее как огня, называя не иначе как *Мерзостью*. Этот факт вызывал ни с чем не сравнимое отвращение у Стилгара. Мерзость. О, у них были основания так рассуждать. И если бы Сестры объявили, что Алия есть воплощение Мерзости, то же самое должны они были сказать и о Чани, вкусившей зелья. Тело Чани было напоено зельем, и ее гены стали полезным дополнением к генам Муад'Диб.

Ум Стилгара пришел в смятение. Нет никаких сомнений в том, что близнецы не пойдут путем своего отца. Но куда пойдут они? Мальчик говорил, что способен стать своим отцом и доказал это. Будучи еще младенцем, Лето показал, что знает нечто, что могло быть известно только Муад'Диб. Кто знает, может быть, в необъятных глубинах памяти ребенка ждали своей очереди и другие предки, знания и опыт которых составят величайшую опасность для всего рода человеческого?

Мерзость, говорят сестры-колдуньи Бене Гессерит. Но тем не менее все они домогаются генофонда вверенных ему детей. Сестры хотят не запятнанного плотским вожделением соединения спермы и яйца. Не потому ли так поспешно возвращается госпожа Джессика? Она порвала с Общиной Сестер, чтобы воссоединиться со своим супругом принцем, но молва утверждала иное — она возвращается, чтобы утвердить путь Бене Гессерит.

Я могу положить конец этой мечте, этому кошмарному сновидению, подумал Стилгар. Это же невероятно просто.

Он удивился тому, как вообще подобные мысли могут прийти ему в голову. Разве дети Муад'Диб виноваты в том, что действительность уничтожает чаяния других людей? Нет. Эти дети не что иное, как линза, фокусирующая свет, оттеняющий новые формы Вселенной.

По-прежнему охваченный смятением ум Стилгара обратился к прежним верованиям фрименов. *Грядет заповедь Божья; не ищи торопить ее. Бог покажет путь; и найдутся те, кто свернет с него.*

Больше всего ужасала Стилгара религия, которую возвестил Муад'Диб. Зачем они сделали из Муад'Диб бога? Зачем было обожествлять человека из плоти и крови? *Золотой Эликсир Жизни* Муад'Диб породил бюрократического монстра, чудовище, коему не было никакого дела до людских бед и забот. Власть и религия объединились, нарушение закона стало не только преступлением, но и грехом. Дух святотатства начинал куриться над каждым, кто подвергал сомнению правительственные эдикты. Любой мятеж вел к очишающему адскому огню и всеобщему праведному осуждению.

Но ведь те, кто издавал эдикты, были всего лишь людьми.

Стилгар грустно покачал головой, на замечая слуг, вошедших в прихожую царских покоев для отправления своих утренних обязанностей.

Стилгар провел пальцами по ножнам висевшего на поясе кривого ножа, символа утраченного прошлого,

и подумал о том сочувствии, которое не раз охватывало его по отношению к мятежникам, чьи отчаянные попытки восстаний подавлялись его же собственными приказами. Стыд и смятение вновь окатили Стилгара горячей удушливой волной; как бы хотелось ему избавиться от них, вернувшись к простоте холодной разящей стали. Но Вселенная не движется назад. Жизнь движет великая сила, выдвинутая в серое Ничто несуществующего. Убить близнецов можно, но это вызовет лишь сотрясение Ничто, которое отдастся катастрофическим эхом в истории человечества, породив новый хаос и заставив людей искать новые формы порядка и беспорядка.

Стилгар вздохнул и прислушался. Да, новый день начался. Слуги — это олицетворение порядка, связанного с близнецами Муад'Диба. Слуги переходят от одного действия к другому, побуждаемые сиюминутной необходимостью. *Надо подражать им*, подумал Стилгар, *и пусть приходит то, что приходит*.

Я тоже слуга, сказал он себе, *слуга Бога, милостивого и всепрощающего Бога*. Он вспомнил слова: *«Определенно, Мы надели ошейники на их выи до самого подбородка, чтобы они подняли головы; Мы поставили перед ними стену, и Мы поставили стену позади них; и Мы покрыли их, чтобы они не видели»*.

То были слова старой религии фрименов.

Стилгар мысленно кивнул себе.

Видеть, уметь предвосхитить наступающий момент, как это умел Муад'Диб, пронзая своим сверхъестественным зрением время и помогая людским делам, превращая их в свершения. Так находилось новое поприще для принятия решений. Но если с тебя снимут ошейник, то не будет ли это бичом Божьим? То будет новая сложность, которую не разрешить простому смертному.

Стилгар снял руку с ножа, но в пальцах продолжало пульсировать живое воспоминание о нем. Но лезвие, поразившее некогда Змею Пустыни, осталось в ножнах. Теперь Стилгар знал, что не обнажит его, чтобы убить близ-

нецов. Во всяком случае, не теперь. Он принял решение. Надо сохранить ту доблесть, которой он всегда гордился: верность. Лучше те сложности, о которых знаешь, чем недоступные пониманию. Лучше настоящее, чем сны о будущем. Горький вкус во рту сказал Стилгару, насколько пустыми и суетными могут быть сны.

Нет! Довольно снов!

* * *

ВОПРОС: «Видел ли ты Проповедника?»

ОТВЕТ: «Я видел песчаного червя».

ВОПРОС: «Что это за Змея?»

ОТВЕТ: «Она дает нам воздух, которым мы дышим».

ВОПРОС: «Тогда зачем истребляете вы ее землю?»

ОТВЕТ: «Потому что Шай-Хулуд (обожествленный Змей) приказывает нам делать это».

(Харк аль-Ада, «Загадки Арракиса»)

По фрименскому обычаю юные Атрейдесы поднимались с постели за час до рассвета. Просыпаясь от едва слышной суеты прислуги, дети, словно чувствуя друг друга сквозь разделявшую их стену, одновременно зевали и потягивались, слыша, как слуги готовят завтрак в передних покоях. Завтрак состоял из простой каши с финиками и орехами, приправленной специальной сывороткой. Под потолком передних покоев висели желтые круглые светильники, мягкий свет которых лился под сводчатые входы в спальни. При этом неярком свете дети торопливо одевались, прислушиваясь друг к другу. По взаимному согласию наследники Муад'Дибя носили одежды, противостоявшие иссушающим ветрам Пустыни.

Но вот царственные близнецы вышли в передние покои; прислуга сразу притихла, и это не укрылось от внимания Лето и Ганимы. Все сразу обратили внимание на то, что поверх серого костюма Лето надел с черным кантом пелерину. На сестре красовалась зеленая пелерина. У ворота пелерина была застегнута золотыми застежка-

ми — ястребами Атрейдесов с глазами из красных рубинов.

Разглядев все это великолепие, Хара, одна из жен Стилгара, не смогла сдержаться:

— Вижу, вы приоделись в честь приезда бабушки.

Лето не спеша принял из рук служанки миску с кашей и только после этого взглянул в темное, иссеченное морщинами лицо Хары.

— Почему вы не думаете, что мы приоделись в свою честь? — спросил мальчик, покачав головой.

Хару не смутило язвительное замечание.

— У меня такие же голубые глаза, как и у вас, — произнесла она без всякой дрожи в голосе.

Ганима громко рассмеялась. Хара в своем репертуаре — женщина никогда не упускала случая проявить фрименскую задиристость. Вот и сейчас она имела в виду: «Вы, конечно, царевич, мой мальчик, но у нас с вами одинаковые глаза — у них нет белков, а это знак пристрастия к зелью. Какому фримену нужна большая честь?»

Лето улыбнулся, сокрушенно покачав головой:

— Хара, любовь моя, если бы ты была чуть-чуть помоложе и не была бы женой Стилгара, то я сделал бы тебя своей женой.

Нисколько не удивившись легкости своей маленькой победы, Хара сделала знак остальным слугам продолжить приготовления к важным дневным делам.

— Ешьте свой завтрак, — строго сказала она. — Сегодня вам понадобятся силы.

— Так ты признаешь, что мы не слишком хороши для встречи бабушки? — с полным ртом каши спросила Ганима.

— Не бойтесь ее, Гани, — ответила Хара.

Лето проглотил кашу и испытующе взглянул на Хару. Эта женщина дьявольски, по-простонародному умна — она сразу поняла, что кроется за пикировкой об изяществе одежды.

— Поверит ли она в то, что мы боимся ее? — спросил мальчик.

— Похоже, что нет, — ответила Хара. — Когда-то она была нашей Преподобной Матерью, и уж я-то знаю, каковы ее повадки.

— Как оделась Алия? — спросила Ганима.

— Я еще не видела ее, — коротко отрезала Хара и отвернулась.

Лето и Ганима обменялись заговорщическими взглядами и вышли под центральный свод, заговорив на древнем наречии, известном им от рождения.

— Итак, сегодня приезжает бабушка, — сказала Ганима.

— И это сильно беспокоит Алию, — откликнулся Лето.

— Кто же станет радоваться, уступая такую власть?

В ответ Лето тихо рассмеялся. Это был смех зрелого мужчины, который до странности не вязался со столь юным телом.

— Да, но и это еще не все.

— Ты думаешь, что глаза ее матери увидят то, что видим мы?

— А почему бы и нет? — спросил Лето.

— Да... Наверное, именно этого и боится Алия.

— Конечно, кто знает о Мерзости больше, чем ее воплощение?

— Но мы можем и ошибиться, — возразила Ганима.

— Мы не ошибаемся, — сказал Лето и процитировал отрывок из книги Бене Гессерит: «С полным разумением и основываясь на ужасном опыте видим мы то, что называем предсуществующей Мерзостью. Ибо кто знает, какая маска из нашего проклятого и злонравного прошлого может овладеть живой плотью?»

— Я знаю ту историю, — ответила Ганима. — Но если это правда, то почему мы не страдаем от внутреннего зла?

— Наверное, потому, что наш дух хранят наши родители, — отозвался Лето.